DISCUSSION PUBLISHERS

Research Center · Open Access Edition

The philosophy of the text as texts of philosophy

Grigorii L. Tulchinskii

Discussion Research ID	DPR-2026-1503
Year	2019
Field	Social Sciences
DOI	10.5922/2225-5346-2019-4-1
Author ORCID	0000-0002-5820-7333
Licence	CC-BY
Original source	Slovo ru Baltic accent
Permanent link	https://discussionpublishers.com/research/ac30ddf3-0608-4742-bd2d-19d1b6125d13
Publisher	Discussion Publishers discussionpublishers.com

Abstract

The conceptualization of the philosophy of the text requires a preliminary idea about the ways of the textual presentation of philosophy as such. At the same time, philosophical views per se are difficult to classify and systematize at best, they are arranged by eras and cultural-ethnic factors. In this regard, it seems fruitful and justified not to build various rationalistic constructions but to take an open look at the very existence of philosophizing. From such perspectives, philosophy appears not so much a single, monolithic, and strictly ordered system as a system of systems that are interrelated, interconnected, and reminiscent of Ludwig Wittgenstein's family of language games. Philosophy is a universal, ultimate understanding of the world, society, human beings, and their self-determination in this reality. In this interpretation, being in itself appears as a text. Philosophizing as such is realized in various forms of textualization, which are the focus of this article. Verbal textualization (single words, paremia, aphoristics, parables, detailed plots, hermeneutic interpretations, conceptual systems) does not exclude visual, activity-driven textualizations and their mutual translations. Philosophy is capable of taking on diverse, dissimilar forms. It is as diversified as the paths of human self-determination, self-awareness, self-explanation, and self-justification. Therefore, the claims to exclusiveness and validity of any one way to textualize philosophizing do not seem justified.

Republished by Discussion Publishers under the original CC-BY licence. Copyright remains with the original authors; please cite the original work.

Cite as: Grigorii L. Tulchinskii (2019). The philosophy of the text as texts of philosophy. Discussion Publishers, DPR-2026-1503.

УДК 101.1; 801.73

ФИЛОСОФИЯ ТЕКСТА КАК ТЕКСТЫ ФИЛОСОФИИ

Г. Л. Тульчинский[1, 2, 3]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
[2] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
190008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
[3] Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 03.08.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-1

Концептуализация философии текста предполагает выработку предварительного представления о способах текстовой презентации самой философии. При этом сами философские взгляды с трудом поддаются классификациям и систематизациям — в лучшем случае по эпохам и культурно-этническим факторам. В этой связи представляется плодотворным и оправданным не строить различные рационалистические конструкции, а взглянуть непредвзято на само реальное бытование философствования. С таких позиций философия предстает не столько единой, монолитной, строго упорядоченной системой, сколько «системой систем», которые находятся в отношениях и связях друг с другом, напоминающих «семейства языковых игр» Л. Витгенштейна. Философия суть универсальное, предельное осмысление мира, общества, человека, его самоопределения в этой действительности. В таком осмыслении само бытие предстает как текст. При этом философствование реализуется в различных формах текстуализации, которые стали предметом рассмотрения в данной статье. Вербальная текстуализация (однословия, паремии, афористика, притчи, развернутые сюжеты, герменевтические интерпретации, концептуальные системы) не исключает визуальную, поступочную текстуализацию, их взаимный перевод. Философия способна принимать самые разные обличья, она столь же многообразна, как и пути человеческого самоопределения. Поэтому вряд ли можно считать обоснованными претензии какого-то одного способа текстуализации философствования на исключительность и общезначимость.

Ключевые слова: *афоризмы, герменевтика, осмысление, паремии, притчи, проективный словарь, сюжетное философствование, философия, философские системы, философствование.*

Философию текста трудно концептуализировать без выработки предварительного представления о способах текстовой презентации самой философии. Тем более что сами философские взгляды с трудом поддаются классификациям и систематизациям — в лучшем случае по эпохам и культурно-этническим факторам. Всякие другие классификации и рационализации есть огрубление одних концепций в рамках других, их неизбежное искажение. Поэтому очень часто философы различных школ и направлений просто не понимают друг друга — ни о чем, ни как, ни зачем они говорят, пишут и думают. Однако все вме-

© Тульчинский Г.Л., 2019

сте, в своей целостности они образуют прочную и всюду плотную ткань философствования, покрывающую (или пронизывающую) все сферы жизнедеятельности.

Исходя из этого, представляется плодотворным и оправданным не строить различные рационалистические конструкции, не изощряться в решении вечной проблемы дефиниции философии, а взглянуть непредвзято на само реальное бытование философствования. С таких позиций философия предстает не столько единой, монолитной, строго упорядоченной системой, сколько «системой систем», которые находятся в отношениях и связях друг с другом, схожих с «семействами языковых игр» Л. Витгенштейна. Эти отношения и связи напоминают плетеную (типа кольчуги) или войлочную структуру. Философские концепции и способы философствования относятся друг к другу не как род и вид. Они образуют сложные цепочки и плетения, в которых каждое из звеньев пересекается с близлежащими, цепляется за них — но при этом может не иметь никаких непосредственных связей с другими, может никак к ним не относиться или иметь сложно опосредованные переходы к ним. Например, непосредственный переход от позитивизма к экзистенциалистскому философствованию без опосредующей роли феноменологии практически невозможен.

В этой связи особый интерес представляют возможности смыслообразования, которые открывают средства коммуникации современного «информационного массового общества», реализующие практику перманентной всеобщей доступности, включенности в коммуникацию и одновременно дивергенцию точек зрения, подходов, мнений. Тем более это актуально применительно к философскому осмыслению, тяготеющему к всеобщности и универсальности. Поэтому попытки, а тем более практики раскрытия и реализации этих возможностей не могут рассматриваться иначе как фронтиром современной философии — как в концептуальном, так и в социальном ее плане.

При всем разнообразии своих форм философия — на редкость целостная нормативно-ценностная система культуры. Будучи выражением мировоззрения и миропонимания, если не мироощущения, любая философия есть попытка осмысления мира, человека и его места в мире. Круг «философиеобразующих» вопросов хорошо известен: какова природа действительности, что представляет собой реальность самой реальности? что такое человек? что происходит в момент смерти? почему вообще возможно познание и каким образом мы узнаем, что правильно, а что неверно? в чем смысл человеческой истории?

Уже этот перечень делает ясным главное. Философствование есть попытка конечного существа понять бесконечный мир. Из этого следует, что философия в принципе не является и не может быть наукой в самом точном смысле этого термина — в смысле science, и это несмотря на возможность самых наукообразных и рациональных форм философского осмысления.

Реальные предметы можно увидеть, потрогать, изучить с помощью специальных приборов. Реальные вещи и процессы и составляют пред-

мет science. Но кто и когда видел истину, свободу, красоту, добро, идею как таковые? Кто, где и когда видел мир вообще, как таковой, его первопричину? Все они суть абстракции, еще точнее — культурные смыслы, задающие контекст конкретных интерпретаций.

Смысл слова уясняется из контекста предложения, смысл предложения — из контекста текста. Аналогично невозможно дать ответ на вопрос о смысле жизни, оставаясь в границах самой жизни. И тогда смысл жизни оказывается связанным жизнью иной, с Богом, историческим прогрессом, воплощением определенной идеи, последующими поколениями, всем тем, что превосходит жизнь отдельного человека. Но в своем осмысляющем порыве философия неизбежно сталкивается с проблемой смысла мира вообще, который может быть найден только с позиций «не от мира сего». Философствование по самой своей природе принципиально метафизично: вне- и над-природно. Из трансцендентности философствования следует ряд принципиальных обстоятельств, характеризующих любое его проявление.

Во-первых, философия оказывается индивидуальным выходом человека к свободе, его самоопределением. Будучи предельным осмыслением, она есть свобода выбора своего идеала, реализующаяся как поиск, нахождение и утверждение человеком самого себя — конечного существа — в бесконечном мире. Философствование дает человеку смысложизненное оправдание. Всякая философия так или иначе, но отвечает на вопрос о смысле жизни — обстоятельство, очевидное для нефилософов и неочевидное для некоторых философов лишь потому, что они, подобно Журдену, не знают, что «говорят прозой».

Однако философия не является и не может быть учением о том, «как жить дальше». Философствование как самоопределение в конечном счете есть путь и способ самопознания, самообъяснения и самооправдания. И это — во-вторых. Сколь бы ни стремился мыслитель учить, как жить дальше, на самом деле его учение есть ответ на вопрос, зачем и как жил он сам. Разум дан человеку для осознания меры и глубины его ответственности, его «не-алиби в бытии», как говорил М.М. Бахтин. И философия — не только наиболее общий, но и наиболее подходящий путь такого осознания. Ее привлекательность лежит в самой природе самооправдательных возможностей философской рефлексии. Философия, как всякое рациональное осмысление, есть позднейшая рационализация пройденного пути. Она объясняет смысл ситуации, в которой находится субъект — не более. Но и не менее.

В-третьих, в силу первого и второго, философствование должно располагать богатым спектром выразительных возможностей, позволяющих осмыслять всю полноту действительности во всей ее противоречивости. Извне, с позиции непосвященного, философствование выглядит особенно изощренной игрой ума, не имеющей реального практического смысла. На самом же деле как универсальное, предельное самоопределение философия оказывается исключительно важным моментом человеческого бытия, многообразным, как само это бытие, способом реализации свободы самоопределения.

Но тогда как реализуется философствование? В каких осмысляющих нарративах выражается? Имеется ли универсальная форма выражения предельного осмысления? Если бы такая форма была возможна, мы располагали бы универсальным каноном — идеал, к которому стремится практически каждое учение. Достижим ли он и насколько он соответствует реальному бытованию философствования?

Как всюду плотная ткань осмысления действительности, философия подобна фольклору, «народной мудрости» — столь же универсальному (тотально-всеобъемлющему) осмыслению реальности, покрывающему и пронизывающему все ее сферы и проявления. Аналогия с фольклором важна — фольклорное осмысление дается с самых различных позиций, даже взаимоисключающих. Например, в паремиях — пословицах, поговорках, инвективах и т. п. — представлены осмысляющие примеры и нормы на все случаи жизни, в том числе на основе взаимопротиворечащих оценок. Они вполне могут исключать друг друга: «семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет» и «кто не рискует, тот не пьет шампанское». Или: «везде хорошо, где нас нет», но «свой хлеб лучше чужих пирогов»; «с глаз долой — из сердца вон», но «старая любовь не ржавеет». И подобных примеров — великое множество. Однако такая взаимопротиворечивость отнюдь не нарушает целостности фольклорного осмысления, а, наоборот, укрепляет его целостность и полноту.

В философии прямым аналогом подобного мозаичного осмысления является философская афористика. Некоторые мыслители склонны именно к «паремиологическому» философствованию, позволяющему им наиболее полно (хотя и фрагментарно) выразить свое мировоззрение и миропонимание. М. Монтень, Б. Паскаль, Новалис, В. В. Розанов — перечень таких мыслителей можно продолжать. За счет чего же достигается целостность «паремиологического» философствования? Его противоречивая полнота есть выражение целостной неповторимости личности философа. Именно неповторимая индивидуальность его выступает интегрирующим фактором. Противоречия осмысления объединены его личностной неповторимостью и уникальностью. Философские паремии, в силу своей смысловой самодостаточности, текстологически, нарративно между собой не связаны. Они перечислительны и не выстраиваются в какую-то сюжетную линию. История их развития — нарратив личной биографии мыслителя. Поэтому наиболее развитую форму паремиологического философствования представляют дневниковые записи.

Однако философствование может носить и сюжетный характер. Например, буддистские притчи и коаны являются, по сути дела, мировоззренческими паремиями, объединенными сюжетами. Сюжеты эти могут быть короткими (притчи), внешними по отношению к тексту (письма). Они могут разрастаться в назидания, в эссе, в диалоги, новеллы, повести или романы, как, скажем, в творчестве Платона, М. де Унамуно, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. Ф. Лосева, могут иметь са-

мостоятельное художественное значение. Важно подчеркнуть, что философствование может реализовываться практически в любом речевом акте и в любом жанре речевого и языкового общения и наррации.

Общую черту паремиологического и сюжетного философствования составляет необходимость толкования афоризма или сюжета для осознания полноты выраженного в них мировоззрения. Такое толкование может само стать способом философствования, сводящим результаты осмысления в некоторый герменевтический компендиум с различной степенью упорядоченности, «инвентаризации» мысли. Примерами могут служить не только новомодные «деконструкции», но и классические философствования Аристотеля, Фомы, Вольфа. Различия заключаются в степени упорядоченности таких нарративов. Но объединяет их сюжетность мысли, именно не мысленный сюжет, а сюжет самой мысли, становящийся системообразующим фактором. Дополнительные возможности дают многообразные способы «непрямого говорения», систематизированные Л. А. Гоготишвили (Гоготишвили, 2007).

Окончательно логика осмысления выходит на первый план в философских системах — от Р. Декарта и Б. Спинозы до И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегеля. Если для паремиологического и сюжетного философствования противоречивая целостность органична, естественна и есть выражение множественности осмысляющих позиций в бесконечном мире, если для компендиума она — терпимый и несущественный факт, обстоятельство инвентаризации, то в системном философствовании, основанном на последовательном развертывании исходных принципов, требование противоречивости — парадоксальный, но необходимый и достаточный принцип. Мировоззренческая полнота философской системы возможна только в случае ее изначальной противоречивости. Поэтому наиболее последовательные концепции и начинают с противоречия, кладут его в основу философствования (Фихте, Гегель, систематизаторы диалектического материализма). Из противоречия следует все что угодно. Именно этот логический принцип и позволяет «логически последовательной» системе достичь полноты осмысления.

Способы философствования, очевидно, не исчерпываются рассмотренными текстовыми вариациями жанров. Благодатный материал исследования различных жанров нарративного философского творчества, их взаимодействия и взаимопереходов дает наследие А. Ф. Лосева. Уже на примере этих форм вербального выражения, словесного философствования видно богатство философской палитры.

Опыт показывает, что существует и невербальное философствование, реализуемое с помощью иконических знаков — схем, рисунков, изображений, визуальных образов. Так, на геометрически-наглядном рассуждении основана античная математика. Но и философия оперирует наглядными образами. И не обязательно это будут словесные их описания. Есть философы, склонные к непосредственному оперированию иконическими знаками. Причем характер используемых средств — схем, графиков, блок-схем, фигур, изображений — и даже склонность к вполне определенным фигурам (треугольникам, кругам, прямоугольникам, стрелкам и т. д.) могут многое сказать о способе и стиле фило-

софствования. Недаром в свое время П. А. Флоренский задумал даже создание Symbolarium'a — словаря иконических знаков-символов и их смысловой палитры, включающего от точки до сложных фигур и конфигураций (Флоренский, 1971).

Особая проблема — перевод вербальных способов философствования в визуальные и наоборот. Речь идет не только о дидактических целях такого перевода вроде проблемы наглядности в преподавании. Ф. Бэкон считал, что задача философии состоит в обнаружении «скрытого схематизма» явлений (Бэкон, 1978, с. 86). И наглядные образы, метафоры, модели могут не только иллюстрировать словесно выраженную мысль, но и предшествовать ей. Вербализация может быть описанием осознанного схематизма, быть вторичной. Поэтому систематическое взаимодействие и взаимоперевод — самостоятельный стимул и фактор развития философской мысли.

Нетривиальным способом философствования является жанр «проективного словаря» (Тульчинский, Эпштейн, 2003) — жанр философствования, пожалуй, еще более радикально фрагментарный, чем паремиологический, и при этом чрезвычайно репрезентативный, концептуально целостный и связный. Но не сводящий все к неким исходным понятиям (как в гегелевской «Энциклопедии философских наук»), а порождающий возможности новых смыслообразований. Речь идет о словаре принципиально нового типа — философствовании словами, терминами как квинтэссенцией осмысления и смыслообразования, причем сведенными в систему.

Во-первых, обычно словари и энциклопедии содержат термины, которые уже употребляются в обыденном или профессиональном дискурсе. В словарях эта практика употребления закрепляется. В *проективном словаре* представлены термины, которые либо впервые предлагаются автором для употребления, либо являются привычными, однако получают новые, нетрадиционные толкования, наполняются существенно иным понятийным содержанием. Иначе говоря, такой словарь не регистрирует, а проектирует дискурсивные тенденции, открывая «окна» концептуальных и терминологических возможностей. Весь словарь в целом — это своего рода нарратив, переходящий в перформатив. Последний, как известно, отличается от констатирующих описаний тем, что осуществляет то, о чем сообщает, самим фактом высказывания. Такие высказывания, как «обещаю» или «договорились», сами вводят в действие то, о чем говорят. Аналогично и проективный словарь, сообщая о предлагаемых терминах и их содержании, самим фактом сообщения стремится ввести их в интеллектуальные практики. В этом плане проективный словарь — своеобразный перформативный жест, поступок в сфере языка и культуры.

Во-вторых, словари (тем более дисциплинарные, не говоря об энциклопедических) обычно являются итогом коллективной работы, обеспечивающей максимально возможную полноту содержания. В данном же случае словарь акцентированно и демонстративно авторский, причем в двойном смысле: все статьи в нем написаны одним автором, и большинство концептов и терминов в этом словаре принадлежит ему

же. Это словарь не только проективный, но и буквальном смысле слова персонологический, поскольку автор статей выступает как мыслящая персона, делящаяся собственными терминами и понятиями, а не описывает и систематизирует введенные другими авторами.

И такая персонологичность тоже достаточно философична. Терминообразование всегда играло особую роль в философии, занятой поиском таких понятий и терминов, которые освобождают мысль от плена повседневного языка и предрассудков здравого смысла. Мышление невозможно без своего языкового выражения, а творчески мыслить — значит заново создавать язык, очищенный от обыденных значений, автоматизмов здравого смысла, остраняющий их. При этом философ может пользоваться словами, уже существующими в языке, придавая им новый фундаментальный смысл, то есть творя не столько лексические, сколько семантические неологизмы. *Идея* Платона, *вещь-в-себе* И. Канта, *диалектика*, *отрицание* и *снятие* Г.В.Ф. Гегеля, *позитивизм* О. Конта, *сверхчеловек* Ф. Ницше, *интенциональность* и *эпохе* Э. Гуссерля, *здесь-бытие* и *временение* М. Хайдеггера, *многоголосие*, *участность*, *вненаходимость*, *не-алиби в бытии* М.М. Бахтина, *различание* Ж. Деррида — именно в таких новых словах (новых по своему составу или только по смыслу) интегрируется целая новая система мышления.

Придумывание экзотических словечек не является самоцелью для автора проективного словаря. Главное даже не в самих терминах — они становятся поводом для рассуждений, порождения нового дискурса. Словарь представляет собой именно опыт гипотетического дискурса, так сказать, рассеивания тех понятий-семян, которые могут дать всходы в новой генерации тематизаций, концептуализаций и операционализаций. Можно воспользоваться метафорой В.В. Розанова и говорить об «эмбрионах» новых мыслей и концептов.

Несмотря на то что словарные статьи в упомянутой практике носят авторский характер, их оформление унифицировано и единообразно. Русское написание термина дается с указанием ударения, приводятся перевод на английский и этимология, дается дефиниция. В тексте каждой статьи выделены другие термины, содержащиеся в словаре, к которым дана отсылка. В конце каждой статьи приводятся сноски к цитатам и список работ к данному термину. Словарные статьи группируются по разделам: от общих вопросов гуманистики в целом — к философии и таким ее разделам, как онтология (бытие и мир), эпистемология (мышление и познание), модальность (потенциальность и творчество). Рассматриваются центральные темы гуманитарных исследований: время и история, религия, личность и этика, культура и эстетика, литература, текст, язык. Последние разделы посвящены тематике, на материале которой гуманитаристика пересекается с тематикой других дисциплин — биологических, социальных, технических (жизнь и тело, общество и политика, техника и информатика). Указываются тематические группы терминов, такие как дисциплины, интеллектуальные направления и мировоззрения, художественные и литературные жанры, приемы, политические режимы, практики и проекты, типы текстов и слов.

Ряд словарных статей непосредственно ориентирован на интеллектуальные, культуральные, технические, социальные процессы, характерные для начала III тысячелетия и требующие новых способов осмысления и артикуляции. Так, в недавнем проекте М. Н. Эпштейна даются определения таких терминов, как *интеЛнет*, *инфиниция*, *кенотип*, *культуроника*, *скрипторика*, *текстоид*, *тривиалогия*, *унитекст*, *эротема* и других, которые раньше не использовались никем, кроме автора (Эпштейн, 2017). Именно благодаря словарю М. Н. Эпштейна эти термины могут войти в профессиональное обращение, получить дополнительную разработку, расширить возможности анализа. Некоторые из терминов, приведенных в словаре, уже были использованы в авторских публикациях. *Метареализм* (творческое движение конца прошлого века), *транскультура* (пространство встречи разных культур), *видеократия* (власть визуальных образов), *хроноцид* (упразднение времени в тоталитаризме и постмодернизме как концепциях) активно входят в обиход гуманитарных наук в России и за рубежом, что свидетельствует об их эвристическом потенциале.

Новая интерпретация предлагается некоторым обыденным понятиям, таким как *веселье*, *выверт*, *глубина*, *душевность*, *игра*, *интересное*, *любовь*, *молчание*, *мудрость*, *обаяние*, *смысл*, *событие*, *упаковка*, которым придается новый терминологический статус. И это одна из задач проективного словаря — артикуляция подобных пробелов в терминологии гуманитарных наук, введение в нее таких понятий, которые раньше воспринимались как слова повседневного языка, чье значение понятно интуитивно.

Особое внимание уделено расширению механизма терминообразования, выходу за рамки практики, когда терминами выступают исключительно существительные. Глаголы, предлоги, другие служебные части речи обладают существенным потенциалом выражения концептуального содержания. И проективный словарь пытается восполнить этот пробел и ввести в терминологический обиход понятия, выраженные глаголами и другими частями речи, элементами слова. Так, самостоятельные статьи посвящены концептам, выраженным глаголами (*божествовать*, *обытийствовать*, *особытить*, *смертствовать*), прилагательными и причастиями (*древностное*, *существуемое*), предлогом *в*, артиклем *the*, местоимениями, приставками (*амби-*, *гипер-*, *гипо-*, *нега-*, *недо-* и *прото-*), суффиксами (*-остн-*), знаком пробела.

Проективный словарь можно читать как единый гипертекст. При этом указания и ссылки в статьях выводят в «засловарье» — внешний по отношению к словарю круг работ автора, расширяя масштаб концептуальной целостности всего проекта.

Как неоднократно замечает М. Н. Эпштейн, задача, достойная современного философа, — не переделывать мир, а открывать его возможности, потенциировать бытие. Поэтому гуманитарий и интеллектуал наших дней не столько строит объяснения, наивно сводя все разнообразие к чему-то одному, какому-то первопринципу, не разрабатывает идеологии и программы преобразований, а в первую очередь открывает и умножает возможности бытия и его осмысления. Сегодняш-

ний гуманитарий — потенциатор бытия, тот, кто открывает новые возможности культуры. Пример работы именно в этом направлении и дает сам М.Н. Эпштейн, открывающий своим проективным словарем целый портал возможностей. Такой словарь, по сути дела, — порождающая модель, латентно содержащая энергетику расходящихся векторов дальнейшей работы, которые могут иметь противоположную направленность, воплощать разные концепции, защищать разные позиции, но при этом использовать общий терминологический и концептуальный ресурс.

Более того, представляется, что палитра способов философствования не исчерпывается разнообразием вербализации и схематизации. Существует «поступочная» философия — как способ философствования, выражающийся непосредственно в образе жизни, поведении. Примерами могут служить не только киническая традиция, но и бессловесное философствование мудрых людей, самой своей жизнью воплощающих ценностную норму. Иногда поступки, жизненный путь философа — как в случае А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета, братьев Бахтиных — дополняют его философствование, помогают его пониманию.

Возможно, существует философское осмысление, основанное на висцеральных источниках информации. По крайней мере, в мировоззрении и миропонимании П.Я. Чаадаева, по его собственным свидетельствам, играли заметную роль пищеварительные и другие обстоятельства внутреннего самочувствия (Чаадаев, 1991, с. 18—64).

Философия, подобно Протею, способна принимать самые различные, непохожие друг на друга обличья. Она столь же многообразна, как и пути человеческого самоопределения, самосознание, самообъяснение и самооправдание. Поэтому вряд ли обоснованны претензии какого-то одного способа текстуализации философствования на исключительность и общезначимость. К такому выводу приводит рассмотрение даже чисто внешних форм бытования философии. Что же говорить о разнообразии философствования, если включить в поле зрения его концептуальное разнообразие?!

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта №18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2.

Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. М. : Языки славянских культур, 2007.

Тульчинский Г.Л., Эпштейн М.Н. (*ред.*). Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. СПб. : Алетейя, 2003.

Флоренский П.А. Symbolarium (Словарь символов). Предисловие // Труды по знаковым системам. [Сб.] 5. Тарту : ТГУ, 1971. С. 521—527.

Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма : в 2 т. М. : Наука, 1991. Т. 2.

Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М. : НЛО, 2017.

Об авторе

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); исполнитель проекта РНФ №18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Тульчинский Г.Л. Философия текста как тексты философии // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 7—17. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-1.

THE PHILOSOPHY OF THE TEXT AS TEXTS OF PHILOSOPHY

G. L. Tulchinskii[1, 2, 3]

[1] St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., St Petersburg, 199034, Russia
[2] Higher School of Economics' National Research University
16 Soyuza Pechatnikov St., St. Petersburg, 190008, Russia
[3] Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236016, Russia

Submitted on August 3, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-1

The conceptualization of the philosophy of the text requires a preliminary idea about the ways of the textual presentation of philosophy as such. At the same time, philosophical views per se are difficult to classify and systematize — at best, they are arranged by eras and cultural-ethnic factors. In this regard, it seems fruitful and justified not to build various rationalistic constructions but to take an open look at the very existence of philosophizing. From such perspectives, philosophy appears not so much a single, monolithic, and strictly ordered system as a 'system of systems' that are interrelated, interconnected, and reminiscent of Ludwig Wittgenstein's 'family of language games'. Philosophy is a universal, ultimate understanding of the world, society, human beings, and their self-determination in this reality. In this interpretation, being in itself appears as a text. Philosophizing as such is realized in various forms of textualization, which are the focus of this article. Verbal textualization (single words, paremia, aphoristics, parables, detailed plots, hermeneutic interpretations, conceptual systems) does not exclude visual, activity-driven textualizations and their mutual translations. Philosophy is capable of taking on diverse, dissimilar forms. It is as diversified as the paths of human self-determination, self-awareness, self-explanation, and self-justification. Therefore, the claims to exclusiveness and validity of any one way to textualize philosophizing do not seem justified.

Keywords: *aphorisms, hermeneutics, comprehension, paremia, parables, projective dictionary, subject philosophizing, philosophy, philosophical systems, philosophizing.*

References

Bacon, F., 1978. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl' (in Russ.).

Gogotishvili, l.A., 2007. *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskich kul'tur (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., Epstein, M.N., eds., 2003. *Proektivnyi filosofskii slovar'. Novye terminy i ponyatiya* [Projective philosophical dictionary. New terms and concepts]. St. Petersburg: Aleteia (in Russ.).

Florenskii, P.A., 1971. Symbolarium (Dictionary of characters). Foreword. In: *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems]. Vol. 5. Tartu: TGU, pp. 521—527 (in Russ.).

Chaadaev, P.J., 1991. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma. V dvukh tomakh* [Complete works and selected letters. In two volumes]. Vol. 2. Moscow: Nauka (in Russ.).

Epstein, M.N., 2017. *Proektivnyi slovar' gumanitarnykh nauk* [Projective Dictionary of Humanities]. Moscow: NLO (in Russ.).

The author

Prof. Grigorii L. Tulchinskii, Saint Petersburg State University; Saint Petersburg branch of the 'Higher School of Economics' National Research University; Immanuel Kant Baltic Federal University (Russian Science Foundation project No. 18-18-00442), Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Tulchinskii, G.L. 2019, The philosophy of the text as texts of philosophy, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 7—17. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-1.